

ТАБУ И ЭВФЕМИЗМЫ В КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Жанназарова Ж.Р.

Докторант (PhD) Института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан, город Нукус

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.20308679>

В современной лингвистике особое внимание уделяется изучению языка как отражения и инструмента формирования культурной и когнитивной картины мира. В этом контексте исследование табу и эвфемизмов приобретает особую значимость, поскольку данные явления находятся на пересечении языка, культуры, мышления и социальных норм. Они не только регулируют речевое поведение, но и отражают глубинные ценности, страхи и этические установки общества.

Каракалпакский язык, обладающий богатым историко–культурным наследием, представляет собой уникальный материал для анализа табуированных зон и эвфемистических стратегий. В традиционном каракалпакском обществе система запретов и речевых замен формировалась под влиянием как архаических верований, так и норм социального этикета, что обусловило её сложную и многослойную структуру. Табу и эвфемизмы здесь выступают не только как лексические явления, но и как важные механизмы регуляции межличностного общения и поддержания социальной гармонии.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению каракалпакской эвфемии не только как лексического явления, но и как когнитивного механизма адаптации традиционного кочевого сознания к современным коммуникативным нормам. Впервые проводится параллель между архаичными запретами (анималистические табу) и современными социальными стратегиями «сохранения лица» в каракалпакской лингвокультуре через призму теории вежливости П. Брауна и С. Левинсона.

Взаимосвязь языка и культуры является одной из центральных проблем современной лингвистики. Язык не просто отражает действительность, но и формирует её через систему фильтров, ограничений и предписаний. Одним из наиболее ярких проявлений такой фильтрации являются табу и эвфемизмы. В каракалпакском языке, обладающем богатым историко–культурным наследием, эти явления выступают хранителями национального менталитета, этикета и верований. Исследование данных категорий позволяет реконструировать фрагменты языковой картины мира каракалпаков, понять иерархию ценностей и этические границы общества.

Цель исследования – провести системный анализ табуированных зон в каракалпакском языке и классифицировать эвфемистические замены по их когнитивно–прагматическим функциям.

Феномен табу (от полинезийского *tapu* – запрет) изначально возник в рамках сакрального дискурса как способ ограждения человека от контакта с опасными сверхъестественными силами. В лингвистике под табу понимается запрет на использование определённых слов, вызванный суеверием, религиозными догмами или социальными нормами [5, с. 24].

Эвфемизм же выступает как инструмент реализации этого запрета – это замена табуированного слова нейтральным или позитивно окрашенным выражением. Как отмечают К. Аллан и К. Барридж, эвфемизм служит «лингвистическим щитом», защищающим участников коммуникации от дискомфорта, страха или оскорбления [1, с. 11]. С точки зрения когнитивной лингвистики, эвфемизация – это процесс перекатегоризации объекта, при котором негативный концепт–мишень замещается более приемлемым концептом–источником.

В рамках прагматики, согласно теории П. Брауна и С. Левинсона, использование эвфемизмов является стратегией «негативной вежливости», направленной на минимизацию посягательства на личное пространство собеседника и сохранение его «социального лица» [2, с. 102]. В каракалпакском языке, где категория уважения к старшим и социальная дистанция играют ключевую роль, эвфемизмы становятся обязательным элементом успешной коммуникации.

Каракалпакская система табу глубоко укоренена в быту и традициях народа. Основные пласты табуированной лексики можно классифицировать по следующим направлениям:

- религиозно–мифологические табу (связаны с доисламскими верованиями и исламской догматикой);
- социально–возрастные табу (включают запреты на использование имён старших родственников);
- антропологические табу (смерть, болезни, физиологические особенности).

Когнитивно–прагматический анализ показывает, что в каракалпакской речи выбор эвфемизма напрямую зависит от контекста (кто говорит, кому и в чьём присутствии). Например, невестка (келин) обязана использовать сложную систему замен в присутствии родственников мужа, что в лингвистике трактуется как реализация «избегательного поведения» [4, с. 56].

Исторически каракалпаки, как скотоводческий народ, испытывали сильный страх перед хищниками. Прямое название волка (бөри) считалось опасным «призыванием» зверя к стаду. Вместо бөри используется ийт–кус (собака–птица) или ийисли (пахучий). С точки зрения когнитивистики, здесь происходит метонимический перенос – акцент делается на одном из признаков (запах) или на классификации (сходство с собакой), чтобы скрыть истинное имя объекта.

Змея (жылан): в степной культуре змея табуирована, её называют аркан (аркан), қамшы (плеть) или түйиншек (узелок). Это визуальные эвфемизмы, подменяющие опасный объект его формой [3, с. 210].

Это уникальное явление каракалпакской культуры, где невестка не имеет права называть по имени свекра, свекровь и братьев мужа. Если в разговоре ей нужно упомянуть человека с таким же именем, она должна придумать замену даже обычному слову. Например, если брата мужа зовут Аман (Здоровый), она заменит слово «здоровье» на саўлық или есенлик. Свекра по имени Балта (Топор) невестка будет называть «қайын атам» (мой тесть) или использовать описательную конструкцию – «отын жаратуғын» (то, чем колют дрова). Это демонстрирует прагматическую установку на абсолютное почтение, где имя становится сакральным объектом [4, с. 88].

Смерть в каракалпакском языке концептуализируется как переход или возвращение, что характерно для мусульманской картины мира. Слово өлиў (умереть) считается крайне резким. Вместо него используются: қайтыс болды (вернулся), дүньядан өтті (ушел из мира), жаны жәннетте болсын (пусть его душа будет в раю). Тяжелые болезни эвфемизируются для психологической защиты: оспу (шешек) называли мийман (гость), надеясь задобрить болезнь. Душевнобольных называют кеўли ала (пестрая душа), что смягчает социальное клеймо и выражает сочувствие [6, с. 45].

Сфера физиологии и отношений полов в каракалпакском обществе традиционно закрыта. Прямое слово буўаз применяется только к животным. В отношении беременной женщины говорят аяғы аўыр (ноги тяжелые), бойында бар (есть в теле) или күтинип жүр (ходит, оберегая себя). Вместо прямого обозначения туалета используются сыртқа шығып келиў (выйти наружу) или төмен барып келиў (сходить вниз). Это типичный пример «ортофемизма» – социально принятой нормы, позволяющей избежать неловкости [1, с. 56].

При сравнении каракалпакских эвфемизмов с аналогичными единицами в казахском или узбекском языках обнаруживается высокая степень сходства в кыпчакской группе. Однако в каракалпакском языке дольше сохранялись архаичные формы, связанные с рыболовством и

спецификой жизни в дельте Амударьи. Например, табуирование названий определённых видов рыб в периоды нереста имело не только магический, но и экологический подтекст (рациональное использование ресурсов через сакральный запрет).

Табу и эвфемизмы в каракалпакском языке представляют собой сложную многоуровневую систему, выполняющую магическую, этическую и психологическую функции.

Эвфемизация в каракалпакской лингвокультуре тесно связана с концептом «уважения» (иззет). Обычай избегание имен является уникальным примером того, как социальные нормы диктуют полную трансформацию лексикона отдельной группы носителей языка (невесток).

Когнитивные механизмы формирования эвфемизмов основаны на концептуальной метафоре (смерть – это путешествие) и метонимии (называние части вместо целого или признака вместо объекта).

Несмотря на влияние глобализации, основные эвфемистические пласты, связанные с семейным этикетом и сакральными темами, остаются стабильными, что подтверждает их значимость для сохранения национальной идентичности каракалпаков.

Дальнейшее изучение темы может быть направлено на анализ гендерных различий в использовании эвфемизмов в современной городской и сельской среде Каракалпакстана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Allan K., Burrige K. Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon. – Oxford University Press, 1991. – 270 p.
2. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
3. Бердимуратов Э. Ҳазирги қарақалпақ тилиниң лексикологиясы. – Нөкис: Билим, 1994. – 224 б.
4. Даулетов А. Қарақалпақ тили этнолингвистикасы. – Нөкис: Қарақалпақстан, 2012. – 180 б.
5. Кайдаров А. Г. Структура и значения табу и эвфемизмов в тюркских языках // Вопросы языкознания. – 1983. – № 4. – С. 23–31.
6. Юсупов О. Эвфемизмы в каракалпакском фольклоре. – Ташкент: Фан, 1988.